

АЛЕКСАНДР КОБРИНСКИЙ
(Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК ДАНИИЛА ХАРМСА

Взгляд жабы, появление совы, хвост ящерицы в башмаке

В статье рассматривается вопрос об источниках некоторых сюжетов записных книжек Даниила Хармса. В качестве источников определяется книга Ж. Б. Сальга о предрассудках, в которой пересказываются суеверия древности и даются их объяснения. Одновременно демонстрируется, как Хармс использует эти сюжеты в своих произведениях.

Ключевые слова: Даниил Хармс, аббат Руссо, Ж. Б. Сальг, жаба, ящерица, сова, суеверия.

Информация об авторе: Александр Аркадьевич Кобринский, доктор филологических наук, профессор, юрист Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Санкт-Петербург. Россия.

E-mail: 0-01-0@list.ru

To the Sources of Daniil Kharms' Notebooks

The Look of the Toad, the Appearance of the Owl, the Tail of the Lizard in the Shoe

The article considers the subject of sources of some plots in Daniil Kharms' notebooks. As sources, in particular, the book by J. B. Salgues about prejudices, in which the superstitions of antiquity are recounted and we saw their explanations. At the same time, the article demonstrates how Kharms transformed these plots in his works.

Key words: Daniil Kharms, abbot Rousseau, J. B. Salgues, toad lizard owl superstition.

About the author: Alexander Kobrinsky, professor, lawyer at Institute of Russian Literature (Puskinskij Dom), Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia.

E-mail: 0-01-0@list.ru

DOI 10.48612/sum-2022-18-3-4-376-388

Среди задач комментирования записных книжек писателя следует выделить две, на наш взгляд, основные: указание источников записей (если таковые не названы автором

прямо) и установление связей между этими записями и их источниками, с одной стороны, и корпусом его художественных произведений — с другой. Настоящая статья представляет собой попытку выполнить такую работу на материале записной книжки Даниила Хармса № 26. Записи в ней отчасти имитируют дореформенную орфографию: употребляются «яти» и «еры», а также «и» десятеричные. Большею частью эти записи касаются различных примет и суеверий, причем имеются и вполне конкретные отсылки к историческим (?) лицам и источникам («Верденский журнал за июль месяц 1735 года», «древний закон франков», «аббат Руссо» и т. п.).

Обращение к существующим комментариям обнаруживает их явную недостаточность: В. Н. Сажин, подготовивший Полное собрание сочинений Даниила Хармса, начинает комментировать данную записную книжку только с 9 листа; написанное на листах 1–8 об. никак не комментируется. Попытка же выяснить, кто такой аббат Руссо в именном индексе, также ни к чему не приводит: пояснения даются самые лаконичные: «Руссо аббат 33» (2; 379).¹

В частности, без комментариев оставлен, например, такой весьма загадочный сюжет:

Аббат Руссо рассказывает как у него была жаба. Она сидела в стеклянной клетке. И вот однажды она стала пристально смотреть на аббата, так, что он почувствовал сильное биение сердца, тоску и судорожные движения. Тело покрылось потом и аббат тут же испражнился. Вот какова сила особого взгляда жабы! (Л. 2. Кн. 1. С. 469).

В более поздней своей полушуточной статье Сажин квалифицирует этот текст как «анекдот».²

¹ Здесь и далее ссылки на тексты Д. Хармса даются в скобках в тексте по изданию: *Хармс Д.* Полн. собр. соч. / Сост. В. Сажина и Ж.-Ф. Жаккара; примеч. В. Сажина. СПб. 1997–2002 с указанием номера тома и страницы. Ссылки на тома дневника этого издания (*Хармс Д.* Полн. собр. соч. Записные книжки. Дневник: В 2 кн. / Подгот. текста В. Н. Сажина и Ж.-Ф. Жаккара. Вступ. ст., примеч. В. Н. Сажина. СПб., 2002) даются в тексте также в круглых скобках с указанием листа записной книжки или дневника, номера книги и страницы.

² *Сажин В. Н.* Шахматное творчество Набокова и Хармса в аспекте типов сознания. URL: <http://www.d-harms.ru/library/shahmatnoe-tvorchestvo-nabokova-i-harmsa.html> (дата обращения — 17.05.2022).

Между тем, этот сюжет не принадлежит Хармсу и вовсе не является анекдотом, а представляет собой краткий конспект другого текста. Ключом для поиска служит как раз имя аббата Руссо, чье имя носит улица в Версале.

Настоящее имя аббата — Анри де Монбазон (1643?–1694), он также известен под прозвищем «капуцин из Лувра», поскольку изучал теологию в монастыре капуцинов. Кстати этот «капуцинский» мотив, возможно, проливает свет на начало рассказа Хармса 1938 года «Меня называют капуцином»: не исключено, что сработала давняя ассоциация «капуцина» с именем Руссо. Возникающая «путаница» вполне свойственна Хармсу, так как далее он спокойно приписывает Ж.-Ж. Руссо идеи Томмазо Кампанеллы.¹

Благодаря протекции принца Конде аббат Руссо становится одним из медиков короля Людовика XIV и получает в Лувре лабораторию химии и фармации, где и проводит свои опыты (в частности, с жабами) вместе с другим «капуцином из Лувра» — Франсуа-Никола Эйньяном. К примеру, они создали так называемый «Le Baume Tranquille» — успокаивающий бальзам, в который помимо листьев белладонны, мака, розмарина и прочих растительных веществ полагалось добавлять живьем больших и жирных жаб.²

Труды аббата Руссо были изданы посмертно его братом, адвокатом в парламенте.³

¹ См.: Кобринский А. Хармс сел на кнопку, или Проза абсурда // Искусство Ленинграда. 1990. № 11. С. 69–70.

² См. об этом: David H. L'abbé Rousseau et le baume tranquille. Angers, 1905.

³ Об опытах аббата Руссо с жабами см.: Rousseau A. Secrets et remèdes éprouvés dont les préparations ont été faites au Louvre, de l'ordre du Roy. Paris, 1747. Что касается «умерщвления жаб взглядом», то аббат Руссо повторял описанные опыты ван Гельмонта: «ван Гельмонт писал: если мы посадим жабу в глубокий стеклянный сосуд, чтобы она не могла выбраться из него, и будем на нее смотреть, это животное приложит все усилия, чтобы выскочить из сосуда и убежать; оно оборачивается, смотрит на вас, и вскоре падает и умирает. Ван Гельмонт приписывает этот эффект ужасному страху, который жаба испытывает от вида человека, усиливающемуся от пристального взгляда до такой степени, что этого достаточно для смерти животного. Поэтому я сделал это четыре раза, и я обнаружил, что ван Гельмонт сказал правду. По поводу этого турок, видевший этот мой эксперимент в Египте, где я провел его три раза, сказал, что я святой, потому что убил взглядом зверя, которого, по их мнению, произвел Дьявол...» (Ibid. P. 134). См. об этом также: Delarbre A. Essai Zoologique sur l'auvergne ou histoire naturelle. Paris, 1798. P. 276.

Хармс не знал французского языка и, конечно, не читал старые французские издания книг аббата. Об аббате Руссо и его опытах он узнал из другого источника.

В 1836 году в России был переведен с французского языка популярный труд французского философа, аббата, историка и литературоведа Жака Бартеlemi Сальга «О заблуждениях и предрассудках, господствующих в различных условиях общества», впервые вышедший в 1810 году.¹ В этой книге автор постарался собрать различные суеверия, чтобы доказать их бесосновательность. Разумеется, Хармса мало интересовал наивный авторский стиль убеждения читателя в том, что если положить в сапог хвост ящерицы, то денег и удачи не прибавится. Скорее всего, он, всегда интересовавшийся всевозможной мистикой, выписывал себе в качестве казусов слухи о разных суевериях и о необычных историях. Вот что, к примеру, Сальг рассказывает об аббате Руссо:

Аббат Руссо, издавший в последнем столетии несколько наблюдений, касающихся до естественной истории, полагает, что один только вид жабы производит спазмы, конвульсии, даже смерть. Руссо рассказывает, что у него была большая жаба, которую он держал под стеклом: однажды она так пристально взглянула на естествоиспытателя, что он тотчас же почувствовал сильное биение сердца, тоску, судорожные движения и, без сомнения, умер, если бы не была подана ему немедленная помощь.

«Жаба эта, — говорит он, — после тщетных стараний выйти из-под стекла обратилась на ту сторону, где я стоял; необыкновенно надувшись и ставши на четыре ножки, она начала сильно дышать, не двигаясь со своего места. неподвижные глаза ее, прямо на меня устремленные, заметным образом краснели и превращались в пламенные: в это самое время я вдруг почувствовал во всем теле слабость, дошедшую до обморока и сопровождаемую холодным потом и извержениями низом: окружающие меня думали, что я уже умер».

Далее автор иронизирует над рассказом аббата:

Очевидно, что аббат Руссо умер бы от чего-нибудь другого, а не от боязни, ибо мог ли затворник его причинить ему какой-нибудь вред, сидя в стеклянной темнице? Кроме того аббат Руссо сам себе противоречит: в другом месте

¹ *Salgues J. B. Des Erreurs et des préjugés répandus dans la société. Paris, 1810.*

он утверждает, что умертвил нескольких жаб единственно пристальным и продолжительным взглядом своим: следовательно, и сам аббат Руссо был так же ядовит, как и жаба.¹

Леонид Липавский в «Исследовании ужаса» помещает жаб в список явлений, наводящих страх: в этом ряду также присутствуют пауки, вши, клопы, осьминоги, лягушки, гусеницы, крабы, раки, многоножки, скалапендры и др.² У Хармса мы встречаем упоминание жабы в рассказе «Шел трамвай...», написанном незадолго до упоминавшихся выше записей в ЗК 26 и относящемся к «антирамвайным» текстам Хармса. Начало рассказа: «Шел трамвай, скрывая под видом двух фонарей жабу» актуализирует как раз тему «жабьего взгляда». О «зооморфном экстерьере» трамвая, возникшем в самом начале инкорпорирования этого мотива в русскую поэзию, писал Р. Д. Тименчик в своей известной статье: выделяется «морда» трамвая и его «глаза» — два фонаря (которые иногда становятся «зрачками»).³ У Хармса эта «морда» становится жабьей. Не исключено, что датировку рассказа Хармса, традиционно определяемую 1930-м годом, следует сдвинуть на 1931 год, учитывая как раз эксплицированный интерес Хармса к «взгляду жабы».

Установив источник рассказа об аббате Руссо, легко там же найти и источники других записей Хармса. Так, в книге Сальга мы находим и пассаж о совах:

Появление совы было для Римлян величайшим ужасом: эти властители мира трепетали при виде ночной птицы и немедленно шли в храмы для жертвоприношений; авгуры спешили очистить город. <...>

Простолюдины страшатся появления совы не менее Римлян. Сядет ли она на дом или на церковь; начнет ли кричать своим хриплым голосом среди ночной тишины,

¹ Сальга И. Б. О заблуждениях и предрассудках, господствующих в различных сословиях общества / Перевод с четвертого издания. СПб., 1836. Ч. 2. С. 103–104. На книгу Сальга в этой связи также ссылается в своей вышедшей в 1926 году «Истории колдовства» известный писатель и знаток оккультизма Август Монтегю Саммерс: *Summers M. The History of Witchcraft and Demonology. Routledge & K. Paul, 1926. P. 217–218.*

² Липавский Л. Исследование ужаса // «...Сборище друзей, оставленных судьбою...»: А. Введенский. Л. Липавский. Я. Друскин. Д. Хармс. Н. Олейников. «Чинари» в текстах, документах и исследованиях: В 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 85.

³ Тименчик Р. Д. К символике трамвая в русской поэзии // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1987. Вып. 754. С. 135.

это значит, что скоро умрет кто-нибудь из околodka, и все в страхе, все трепещут за свою участь.

Но если сова будет искать убежище на голубятне, то те же простолюдины сочтут это предзнаменованием счастья и благополучия. По закону древних Франков, кто убьет или украдет сову, прилетевшую на соседнюю голубятню, тот присуждается к значительному штрафу.¹

Ср. у Хармса:

Сова приносит несчастье, если сядет на дом или церковь. Но если сова заберется в голубятню, то это почитали за добрый знак. Древний закон франков запрещал убивать сову в голубятне (ЗК 26. Л. 1об.–2. Кн. 1. С. 469).

XIX глава книги Сальга называется «Откуда произошли суеверные понятия о пятнице, о числе тринадцать, о просыпанной соли и т. п.». Эта глава является источником сразу нескольких записей, причем не только в записной книжке № 26. К примеру, автор объясняет, почему вера в несчастливую пятницу — это суеверие:

Это невыгодное мнение о пятнице имеет религиозное начало: в пятницу Христос был распят, солнце померкло в тот же день, из этого заключили, что пятница — несчастный день, которого должно опасаться.²

Ср. у Хармса:

Вот что рассказывают моряки:

Англичане решили доказать, что вера в несчастную пятницу — простое суеверие. Для этого они построили пароход и начали его строить в пятницу. В пятницу же спустили его на воду. Назвали пароход пятницей («Friday»), в пятницу пошли в плавание, и в пятницу пароход разбился и утонул (ЗК 27. Л. 16. Кн. 2. С. 17).³

¹ Сальг И. Б. О заблуждениях и предрассудках... С. 125–126.

² Там же. С. 121.

³ О русском переводе романа Ф. Купера «Красный морской разбойник» («Красный корсар») как источнике этой легенды см.: Кобринский А. Комментируя Хармса // Литературный факт. 2021. № 1(19). С. 344–349. И. Виноцкий дополнительно показал, что, видимо, промежуточным источником, на который непосредственно ориентировался Хармс, были воспоминания русской теософки и скрипачки Анны Васильевны Унковской, опубликованные как в журнале «Вестник теософии», так и в отдельном издании (Виноцкий И. Опять о пятницу. Апология суеверий у Даниила Хармса и Александра Введенского. URL: <https://gorky.media/context/oryat-o-pyatnitsu>; дата обращения — 17.05.2022).

М. Мейлах справедливо указывает в комментариях к собранию сочинений А. И. Введенского, что этот рассказ Хармса перекликается с устным рассказом Введенского, который от него слышала Т. А. Липавская:

Тринадцать человек организовали союз для борьбы с суевериями. Все дела они начинали в тяжелый день — понедельник, закуривали папиросу втроем и обязательно третий от той же спички. Собирались всегда все тринадцать вместе, не больше и не меньше. Однажды в понедельник они собрались для борьбы с суевериями, а тринадцатого нет. И тогда они прониклись суеверным ужасом.¹

Из этой же книги возникает весьма важный для Хармса мотив недопустимости переkreщивания ножа и вилки при складывании их:

Ложка и вилка, крестообразно лежащие, также не предвещают ничего хорошего: они представляют собой изображение Андреевского креста, орудие, служившее к ужасным мучениям и внушавшее древним столь справедливый страх.²

Ср. у Хармса:

Нельзя складывать нож и вилку крестообразно. Мое мнение, что разнятие крестообразно лежащих вилки и ножа приносит особую приятность совершившему это (ЗК 26. Л. 1об. Кн. 1. С. 469).

Отголоски этой темы впоследствии мы увидим в повести «Старуха» — в эпизоде сна главного героя:

Я стою на площадке лестницы и думаю, что мне делать, и вдруг вижу, что у меня нет рук. Я наклоняю голову, чтобы лучше рассмотреть, есть ли у меня руки, и вижу, что с одной стороны у меня вместо руки торчит столовый ножик, а с другой стороны — вилка (2; 167).

¹ *Введенский А.* Полн. собр. произведений: В 2 т. / Вступ. статья и прим. М. Мейлаха; сост. и подг. текста М. Мейлаха и В. Эрля. М., 1993. Т. 2. С. 104, 216. И. Виницкий показал, что источником этого сюжета является проницательное описание американского «Клуба Тринадцати» в религиозном детективе Г. К. Честертон «Павлиний дом» (*Виницкий И.* Опять о пятницу...).

² *Сальг И. Б.* О заблуждениях и предрассудках... С. 123.

Стоит также вспомнить, что эта трансформация в повести оказывается связана с мотивом настенных часов без стрелок, которые рассказчик в самом начале видит в руках у старухи. Чуть позже в его сознании включается ассоциативный ряд, связывающий эти два мотива:

Мне вспоминается старуха с часами, которую я видел сегодня во дворе, и мне делается приятно, что на ее часах не было стрелок. А вот на днях я видел в комиссионном магазине отвратительные кухонные часы, и стрелки у них были сделаны в виде ножа и вилки (2; 162).

Таким образом, тело героя «Старухи» отождествляется с корпусом часов, что заставляет вспомнить о старых средневековых метафорах: «мир — часы», «тело — часы». Конспект Сальга, выполненный Хармсом в июне 1931 года, показывает, что именно в это время его интерес к теме «часовых» метафор усиливается; не случайно он выписывает из его книги и этот фрагмент, выглядящий уже совершенно обэриутским:

Вердёнский журнал за июль месяц 1735 года рассказывает о родившемся дитяти с циферблатом в глазах, чему причиной было сильное желание матери иметь часы.¹

Подобная телесная трансформация, связанная с материализацией знака, является одним из важнейших механизмов обэриутского смыслопорождения: ср., например, известную хармсовскую прозаическую миниатюру о маленькой девочке, у которой на носу выросли две голубые ленты, на одной из которых было написано «Марс», а на другой — «Юпитер» (ок. 1935). Однако комментарий был бы совершенно неполным, если бы мы не указали на то, что данный фрагмент во многом пересекается с написанным Хармсом как раз в это время — приблизительно 28 июня 1931 года — стихотворением «Дни дни клонились к вечеру...». Его финал («В эти дни дьявол разгуливал по улицам в образе часовщика предлагая свои услуги»), как теперь становится ясно, не только представляет собой трансформированную древнюю метафору «мир — часы,

¹ Сальг И. Б. О заблуждениях. предрассудках... Ч. 1. С. 51.

Бог — часовщик»¹, но и отчасти, видимо, восходит к антропоморфизации часов и буквальному («реальному» в терминологии ОБЭРИУ) сращиванию их самих и их компонентов с человеческим телом (что мы и видели в заинтересовавшей Хармса цитате из «Вердёнского журнала»). Ср. также аналогичный прием у Введенского в стихотворной драме «Кругом возможно Бог», написанной приблизительно в том же 1931 году, где присутствует не только «разговор часов» (и, конечно, явная игра с многозначностью слова: «часы как единицы времени» и «часы как прибор»), но и попытка Фомина «отравить часы»:

Ф о м и н

Я буду часы отравлять.
Примите часы с ложки лекарство.
Иное сейчас наступает царство.

Но как связаны обладающий странной силой взгляд жабы и мотив часов в творчестве Хармса? Имеется ли в каком-либо его произведении такое же соположение этих мотивов, как на первых листах ЗК 26, или, проще говоря, можно ли считать эти записи не просто выполнением отцовского совета,² но и материалом для собственных будущих произведений? На этот вопрос следует ответить утвердительно, поскольку мотив «убивающего» взгляда, как и мотив часов, функционально равнозначных человеку и его телу, будет реализован писателем в рассказе «— Видите ли, — сказал он...», который в хармсоведении принято называть «Медный взгляд»

¹ Ср., например, иронию Лейбница, направленную против Ньютона, в письме к принцессе Уэльской: «Г-н Ньютон и его сторонники кроме того еще придерживаются довольно странного мнения о действии Бога. По их мнению, Бог должен время от времени заводить свои часы, иначе они перестали бы действовать. У Него не было достаточно предусмотрительности, чтобы придать им непрерывное движение. Эта машина Бога, по их мнению, так несовершенна, что от времени до времени посредством чрезвычайного вмешательства он должен чистить ее и даже исправлять, как часовщик свою работу, и он будет тем более скверным мастером, чем чаще должен будет изменять и исправлять ее» (*Лейбниц Г. В. Соч.:* В 4 т. М., 1982. Т. 1. С. 430).

² «Читай сидя за столом и имей при себе карандаш и бумагу. Записывай мысли из книги, а также и свои, мелькнувшие из-за чтения или по другой какой причине. (Папа)» (ЗК 1. Л. 1об. Кн. 1. С. 13).

(название условное, так как в автографе оно отсутствует). Персонаж по фамилии Клопов разбивает свои часы, которые «шестнадцать лет тикали... под сердцем», что подвигает его сочинить рассказ о «медном взгляде», неминуемо ведущем к убийству того, на кого этим взглядом посмотрели. Рассказ не закончен, и мы не знаем, в какой момент Клопов говорит правду своей собеседнице: когда рассказывает о «медном взгляде» или когда сообщает ей о том, что он все это выдумал прямо тут, сидя рядом с ней на скамейке.

Видимо, не стоит особо удивляться тому, что источники и некоторых других записей Хармса из первых листов ЗК 26 также находим в этом переводе книги Сальга. К примеру Сальг сообщает об известном суеверии: «Хвост ящерицы, положенный в ваш башмак или сапог, доставляет вам деньги и счастье»,¹ а Хармс конспектирует: «Хвост ящерицы, положенный в сапог, приносит счастье и богатство» (ЗК 26. Л. 1. Кн. 1. С. 469). Возможно, эта примета причудливым образом отразится в мотиве «целлулоидных ящериц», которыми — наряду с шарами — следовало бы окружить себя голому квартальному уполномоченному («Трактат более или менее по конспекту Эмерсона», 1939). Ср. об этом у Ж.-Ф. Жаккара:

Если применить это рассуждение к литературному творчеству, мы будем иметь дело с восхвалением разрушения традиционных грамматических категорий, которые также представляют собой систему последовательных подчинений, исходящих от разума и препятствующих процессам познания. Следовательно, нет ничего неожиданного, что на этой стадии развития Хармс занимается проблемой разрушительной фазы в художественном творчестве. Именно как метафору словесного творчества следует понимать слова «окружение себя предметами». В третьей части — «Правильное уничтожение предметов вокруг себя» — писатель показывает, что в неправильной системе, где все составляющие прочно связаны единством, исчезновение одного из предметов тяжело воспринимается человеком: даже самое незаинтересованное лицо страдает, «потеряв кровать и подушку, и доски пола», когда узнает муки жесточайшей бессонницы. В то время как если бы окружение себя предметами происходило по правильной системе, где составляющие независимы друг от друга, то разрушение «целлулоидной ящерицы» или равно

¹ Сальг И. Б. О заблуждениях и предрассудках... Ч. 1. С. 97.

как другого «совершенного подарка» было бы с легкостью воспринято субъектом, освобожденным от случайностей.¹

XVI глава книги Сальга называется «Должно ли считать счастливым предзнаменованием сорочку, в которой иногда рождаются младенцы». Ссылаясь на Элия Лампридия и Спарциана, Сальг пишет о том, что римские адвокаты «старались иметь подобные сорочки, желая быть участниками счастья, которому она служила эмблемою».² Хармс кратко записывает вывод: «Сорочка младенцев приносила успех адвокатам» (ЗК 26. Л. 1об. Кн. 1. С. 469).

И, наконец, следует отметить еще одну цитату из Сальга, отразившуюся в записной книжке Хармса: «Св. Августин, коего высокий ум обогащен был всевозможными сведениями, говорит, что древние снова ложились спать, когда, вставши, случилось им чихнуть во время надевания сандалий».³ Ср.: «Древние римляне, если им приходилось, вставая утром с постели, чихнуть, то они ложились обратно спать» (ЗК 26. Л. 1. Кн. 1. С. 469).

Речь здесь явно идет о фрагменте из работы бл. Августина «Христианская наука, или Основания герменевтики и церковного красноречия», в которой автор действительно упоминает это суеверие среди прочих суеверий античной языческой поры:

31) Подобных суеверных замечаний чрезвычайное множество. Так, еще почитают знаменательным, если какой-либо член тела приходит в необыкновенное движение и свербит, если случится друзьям, идущим вместе, увидеть меж себя лежащий камень, или если между ними проходит собака или дитя.

В последнем случае достойно сожаления не столько то, что друзья попирают обыкновенно ногами своими оный камень, как предвестник разрывающейся дружбы, сколько то, что они бьют и невинное дитя, пробегающее между ними. Но за детей отмщают часто собаки: некоторые, по суеверию, бьют и собаку, проходящую между ними, но это не всегда проходит им без наказания — собака иногда вдруг от мнимого лекарства препровождает врага своего к истинному медику.

¹ Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда. СПб., 1995. С. 152.

² Сальг И. Б. О заблуждениях и предрассудках... Ч. 1. С. 110.

³ Там же. С. 65.

К этому же роду суеверий относятся и следующие: бить ногою об порог, когда проходишь мимо своего дома; опять ложиться на постель, когда, обуваясь, начнешь чихать; возвращаться в дом, когда, вышед из одного, споткнешься обо что-либо; трепетать от представления будущего несчастья, почти не сожалея о настоящей потере, когда мыши точат платье.¹

«Святитель преподобный Августин» у Хармса косвенно появляется тоже не зря: всего лишь полгода назад, в декабре 1930 года Августин становится персонажем пьесы Хармса «Гвидон» (в пьесе изображается и смерть блаженного). Пожалуй, самым любопытным пассажем «Гвидона» в связи с рассматриваемой записной книжкой становится диалог монаха Василия с Настоятелем:

Монах Василий:
В калитку входит буква ять,
принять её?

Настоятель:
Да, да, принять.²

Именно в этот момент — на рубеже 1930 и 1931 года — буква «ять» действительно «входит» в графику Хармса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Виницкий И.* Опять о пятницу. Апология суеверий у Даниила Хармса и Александра Введенского. URL: <https://gorky.media/context/oruat-o-ruatnitsu> (дата обращения — 17.05.2022).

¹ *Блаженный Августин.* Христианская наука, или Основания герменевтики и церковного красноречия. Киев, 1835. С. 112–113.

² *Хармс Д.* Собр. произведений: В 2 т. Времен, 1978. Кн. 2. С. 118. Трудно (да и не нужно) объяснить тот факт, что во втором томе Полного собрания сочинений Хармса, подготовленном и прокомментированном Сажиним, эти строки изъяты без всяких пояснений и даже не упомянуты в текстологическом комментарии. Между тем особое значение, которое придавал Хармс этому лаконичному диалогу, мы встречаем в ЗК 24, где он указывает, что именно в этих стихах из «Гвидона» достигнута та чистота, которую он так ценил в поэзии (ЗК 24. Л. 13. Кн. 1. С. 444). Поскольку тома записных книжек готовились и выходили позже томов собрания с произведениями Хармса, видимо, имело смысл хотя бы в комментариях к ЗК 24 объяснить читателям, почему строки, которые Хармс считает в «Гвидоне» лучшими, отсутствуют в опубликованном ранее тексте пьесы. Увы, этого также не происходит.

2. *Жаккар Ж.-Ф.* Даниил Хармс и конец русского авангарда. СПб., 1995.
3. *Кобринский А. А.* Комментируя Хармса // Литературный факт. 2021. № 1(19). С. 344–349.
4. *Кобринский А. А.* Хармс сел на кнопку, или Проза абсурда // Искусство Ленинграда. 1990. № 11. С. 69–70.
5. *Сажин В. Н.* Шахматное творчество Набокова и Хармса в аспекте типов сознания. URL: <http://www.d-harms.ru/library/shahmatnoe-tvorchestvo-nabokova-i-harmsa.html> (дата обращения — 17.05.2022).
6. *Тименчик Р. Д.* К символике трамвая в русской поэзии // Труды по знаковым системам. Уч. зап. Тарт. ун-та. 1987. Вып. 754. С. 135–143.
7. *David H.* L'abbé Rousseau et le baume tranquille. Angers, 1905.
8. *Summers M.* The History of Witchcraft and Demonology. Routledge & K. Paul, 1926.

REFERENCES

1. *David H.* L'abbé Rousseau et le baume tranquille. Angers, 1905.
2. *Kobrinskij A. A.* Kharms sel na knopku, ili Proza absurda // Iskusstvo Leningrada. 1990. № 11. S. 69–70. (In Russ.)
3. *Kobrinskij A. A.* Kommentiruja Kharmsa // Literaturnyj fakt. 2021. № 1(19). S. 344–349. (In Russ.)
4. *Sazhin V. N.* Shakhmatnoe tvorchestvo Nabokova i Kharmsa v aspekte tipov soznaniya. URL: <http://www.d-harms.ru/library/shahmatnoe-tvorchestvo-nabokova-i-harmsa.html> (data obrashheniya — 17.05.2022). (In Russ.)
5. *Summers M.* The History of Witchcraft and Demonology. Routledge & K. Paul, 1926.
6. *Timenchik R. D.* K simbolike tramvaja v russkoj poezii // Trudy po znakovym sistemam. Uch. zap. Tart. un-ta. 1987. Vyp. 754. S. 135–143. (In Russ.)
7. *Vinitckij I.* Opjat' ob pjatnicu. Apologija sueverij u Daniila Harmsa i Aleksandra Vvedenskogo. URL: <https://gorky.media/context/opyat-o-pyatnitsu>. (data obrashhenija 17.05.2022). (In Russ.)
8. *Zhakkar Zh.-F.* Daniil Kharms i konets russkogo avangarda. SPb., 1995. (In Russ.)